

ТИЛ ЎРГАТИШ ТЕХНОЛОГИЯЛАРИ

УЎК (УДК, UDC): 378.016:811.161.1

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОГРАММИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ УСТНОЙ ДЕЛОВОЙ РЕЧИ

Мухамаджон Чориевич АЛИЕВ

доцент

Доктор философии по педагогике (PhD)

Кафедра современных информационных
технологий

Узбекский государственный университет мировых языков

Ташкент, Узбекистан

ett.uz61@gmail.com

Аннотация

В статье представлены лингвистические основы программированного обучения устной диалогической речи, базирующиеся на социально и лингвистически обоснованных законах текстообразования. Ситуация вызывает определенную интенцию в сознании коммуниканта, который в последующих умственных и речевых действиях стремится подобрать средства, соответствующие замыслу говорящего.

Высокий уровень формальности в деловом общении говорит о том, что общение, основанное на «твердой» модели, имеет не только достаточно стереотипизированные лингвистические средства выражения, но и довольно стандартные речевые действия, которым и следует обучать при программированном обучении.

Ключевые слова: устное деловое общение; текстообразование; экстра- и интралингвистические факторы; «твердая» модель; «мягкая» модель; стереотипизированные лингвистические средства.

РАСМИЙ ОЎЗАКИ НУТҚНИ КОМПЬЮТЕР ЁРДАМИДА ЎҚИТИШНИНГ ЛИНГВИСТИК АСОСЛАРИ

Мухамаджон Чориевич АЛИЕВ

доцент

Педагогика фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD)

Ўзбекистон Давлат жаҳон тиллари институти

Замонавий ахборот технологиялари

кафедраси

ett.uz61@gmail.com

Аннотация

Мақолада матн шаклланишининг ижтимоий ва лингвистик қонуниятлари негизида оғзаки диалогик нутқни компьютер дастурлари ёрдамида ўқитишнинг лингвистик асослари тақдим этилган. Муайян вазиятлар гапирувчида муайян коммуникатив мақсадларни вужудга

келтиради ва у ўзининг кейинги ақлий ва оғзаки ҳаракатларида ўша мақсадга мос келадиган тил воситаларини топишга ва ишлатишга ҳаракат қилади.

Ишбилармонлик алоқаларида қўлланиладиган расмий тил "қаттиқ" моделга асосланган бўлиб, у нафақат лингвистик ифода воситаларидаги қолипларнинг кўплигига, балки коммуникатив ҳаракатларга компьютер дастурлари ёрдамида ўқитиш учун қулай шароит мавжудлигига ишора қилади.

Калит сўзлар: оғзаки расмий мулоқот; матнни шакллантириш; ташқи ва ички лингвистик омиллар; "қаттиқ" модел; "юмшоқ" модел; стереотипли лингвистик воситалар.

LINGUISTIC BASICS OF PROGRAMMED LEARNING ORAL BUSINESS

Mukhamadjon Choriyevich ALIEV

Candidate of Pedagogical Sciences (PhD)

Associate Professor

Uzbekistan State World Languages University

ett.uz61@gmail.com

Abstract

This article provides the linguistic foundations of programmed teaching of oral dialogic speech, which is based on socially and linguistically based laws of text formation. The situation causes a certain intention in the mind of the communicator, who in intention mental and verbal actions seeks to pick up the means corresponding to the speaker's plan.

The high level of formality in business communication suggests that communication based on a "solid" model has not only fairly stereotyped linguistic means of expression, but also standard speech actions that should be taught in programmed instruction.

Keywords: oral business communication; text formation; extra- and intralingual factors; "hard" model; "soft" model; stereotyped linguistic means.

Определение оптимальной методики программированного обучения речевым умениям и навыкам в значительной степени зависит от понимания роли языковой системы в процессе речевой деятельности.

Одной из основных единиц в лингвистике является предложение, которое порождается синтаксической организацией словоформ и словосочетаний. То есть основополагающим в процессе продуцирования речи является знание и оперирование синтаксическими единицами. В основном на этих положениях и построены различные методические приемы формирования коммуникативных навыков. Особый вклад в это направление вносит Г.А. Золотова, которая на основе анализа материала приходит к выводу, что «распределенность» моделей по рангам, отражающая соотношение предложений с речемыслительным процессом, предопределяет использование этих предложений как средства осуществления коммуникативных действий» (3, 71). Осознавая значимость данного утверждения, а также необходимость дальнейшего его осмысления, мы все же считаем, что ни предложения, ни другие синтаксические единицы не

являются определяющими в процессе продуцирования речи.

Практика показала, что умения правильно строить предложения недостаточно для реализации полноценных коммуникативных взаимодействий. Знание синтаксических закономерностей и умение оперировать ими, конечно же, в процессе речепроизводства играют важную роль. Но предложение получает право на жизнь, только если есть потребность на такое предложение. Эта потребность возникает под давлением определенной ситуации. Именно ситуация вызывает определенную интенцию в сознании коммуниканта, который в последующих умственных и речевых действиях стремится подобрать средства, соответствующие замыслу говорящего. То есть общий смысл общения довлеет над структурой каждого предложения. В реальном речевом общении в подавляющем большинстве случаев смысл предложения не отражает полной интенции автора. Поэтому говорящий продуцирует ряд предложений, которые в достаточной мере осуществляют импликацию высказывания. Здесь предложения связаны как бы одной нитью, направленной на отражение какого-то смысла. Таким образом, смысл речи объединяет ряд предложений.

Эти обстоятельства требуют тщательного анализа как экстра-, так и интралингвистических факторов, влияющих на порождение и функционирование языковых явлений в реальных речевых актах. Именно описанием закономерностей овладения языком и правильного его использования и занимается коммуникативная лингвистика.

Коммуникативная лингвистика не ограничивается синтаксическими единицами, а «занимается прежде всего теми языковыми единицами, в которых воплощается коммуникативный смысл, т.е. высказываниями, и далее, текстами, что в некотором роде означает признание в качестве исходных единиц языка единицы высшего уровня» (5, 22).

Термин «текст» в литературе используется неоднозначно. В узком значении – это «отдельное конкретное произведение, которое анализируется с его структурно-содержательной стороны» (4, 12). В широком – как реализация «функционирования языка в процессах коммуникации, в процессах текстообразования, закрепляемых в их результатах – текстах, тогда задачей лингвистики оказывается изучение закономерностей функционирования языка, текстообразования в различных сферах и ситуациях общения» (4, 12).

Исследователи считают, что возникновение текста как результата взаимодействия людей в реальных жизненных ситуациях социально обусловлено, «поскольку внутренняя логика развития той или иной ситуации,

уходящая в глубь опыта вообще, индивидуального и коллективного, диктует определенную закономерность порождения текста с его конкретной смысловой организацией (5, 114). Социальная обусловленность речевой коммуникации объясняется зависимостью общения от производственной деятельности. Овладевая в процессе социализации различными видами деятельности, человек вступает в коммуникативные отношения с другими людьми, что является предпосылкой формирования языковой и коммуникативной способностей у человека. Одновременно с развитием способов речевого общения у человека формируются и языковые способности, т.е. «языковая способность есть результат процесса развития навыков речевого общения» (1, 38). Отсюда следует, что деятельности, в процессе которых возникают задачи, связанные с решением производственных и коммуникативных задач, и являются определяющими в формировании навыков использования языка (1). Данное положение открывает для методики обучения широкие перспективы. Процесс обучения становится возможным строить на основе имитации реальной ситуации, где обучаемый получает социальную роль, связанную с выполнением определенных задач путем коллективного решения. Включенность каждого обучаемого в такую коллективную деятельность вынуждает участников деятельности вступать друг с другом в определенные коммуникативные отношения, в процессе которых формируется потребность в использовании различных языковых средств.

В реальной коммуникации говорящий варьирует свою речь в зависимости от той ситуации, в которой осуществляется общение (2), т.е. «общественная сфера коммуникации является фактором, лежащим в основе конструирования текста как коммуникативной единицы» (2, 74). Зная конкретную сферу коммуникации, а также факторы, влияющие на продуцирование определенных типов текста, на наш взгляд, можно создать модели общения, отражающие в достаточной мере реальную коммуникацию.

Выявление лингвистических основ моделирования общения позволит, как нам кажется, решить в методике обучения ряд принципиальных вопросов, связанных прежде всего с её функциональной направленностью. Выяснилось, что «чем больше типов текста может продуцировать, понять и использовать говорящий на том или ином языке, тем шире диапазон его речевой деятельности, т.е. к тем большему количеству типичных речевых актов он может подключиться как участник коммуникации. Сообразно с этим изучающий язык должен не только накапливать знания о взаимосочетаемости языковых единиц, но и использовать правила социально-типového

использования языка в коммуникативных ситуациях» (2, 7). Речь идет об изучении типов текста, в основе которого лежит фактор стереотипизации.

В. Г. Костомаров, отмечая положительные характеристики стереотипов, указывает, что стереотипизация является выражением опыта, накопленного человеческим существом в течение длительного времени своего существования. Он пишет: «Человеческий мозг не справлялся бы в рамках отведенного времени и с долей того, что им самим порождено, если бы не было унифицирующих стандартов, упорядочения в результате классификации и отбора (8, 77). Действительно, человек в повседневной коммуникации пользуется готовыми формами языка, которые функционируют в речи как реактивные модели в ответ на вербальное и невербальное поведение собеседника. «Степень автоматичности и оптимальности набора мыслительных и вербальных реакций зависит от социального опыта личности (8, 108). Отсюда следует, что автоматизм можно выработать путем неоднократных упражнений, когда обучаемый будет знать, в каких ситуациях, какие языковые формы можно применять.

Стереотипы существуют на разных уровнях языка. Так, А.В. Щерба в стереотипизированной лексике видит «упаковочный материал» (8, 108) способствующий эффективности ведения речевого общения. А В.В. Виноградов, также придавая важное значение стереотипам в процессе коммуникации, выводит их за рамки лексического понимания: «Большинство людей говорит и пишет с помощью готовых формул, клише» (8, 106). Все это отнюдь не означает, что речь человека состоит только из одних стереотипов.

Речь – процесс творческий, в каждой отдельной ситуации она уникальна и неповторима. И это прежде всего за счет наличия в речи творческого, моментов, которые переплетаясь со стереотипами, придают речи определенное своеобразие. М. Горький писал: «То, что известный автоматизм речи в некоторых условиях есть факт положительный, не дает оснований превращать его во всеобщий закон языка, а самый язык обращать в сумму штампованных, автоматизированных выражений» (8, 110). Таким образом, можно сказать, что речь состоит из стереотипизированных и нестереотипизированных языковых форм. И для методики обучения становится важным разграничение их в текстах. В процессе речепроизводства «...мы сознательно или интуитивно разграничиваем случаи, когда достаточно стандартного решения и когда требуется оригинальное решение; соответственно, мы то экономим, то напрягаем умственные усилия» (8, 110). Но суть проблемы заключается в том, что мы не можем заранее выделить эти моменты, не зная конкретных условий

ситуации общения, определяющим образом влияющих на весь ход речевой коммуникации. В сущности, анализируя различные речевые жанры, возникает вывод, что тексты в рамках данного жанра образуются на основе тех специфических закономерностей, которые присущи конкретному речевому жанру. А отсюда следует, что, обучая каким-либо типам текста, мы обучаем речевым жанрам, а конкретнее – их моделям.

Для выявления модели речевого жанра следует решить вопрос, связанный с фиксацией процесса живого речевого общения.

Речевое общение, в нашем понимании, характеризуется своей диалогической природой. Но в зависимости от наличия или отсутствия явной интеракции, оно имеет форму монолога или диалога.

К диалогу в последнее время проявляется все больший практический интерес. В нем наиболее четко отражается природа человеческого общения, заключающаяся в том, что в коммуникации участвует не изолированные друг от друга люди, говорящий и слушающий – полноценные коммуниканты, взаимодействующие друг с другом путем коммуникативных ролей. Такое осмысление диалога позволяет рассматривать рецептивные умения участников общения как начальную фазу формирования реактивных умений. Т.е. в диалогическом общении мы отмечаем не просто слушающего, пассивного участника общения, а гораздо больше: слушателя, как отвечающего (1), который, оценивая ситуацию со своих позиций, действует определяющим образом на ход в течение всего коммуникативного акта.

Многие лингвисты считают, что анализ диалога при полном переносе методов, разработанных лингвистикой текста, может быть не оправдан (7), т.к. в диалоге предметом является то, что «для целого ряда других подходов, в рамках так называемой прагматики, было лишь фоном и дополняющим полем деятельности» (1, 72). Речь идет о ситуациях общения, которые, с одной стороны, интегрируют в себе общественные взаимосвязи, а с другой – детерминируют реальные речевые акты. Такой подход позволяет подойти к анализу диалога как с точки зрения функциональных, так и с точки зрения социальных его характеристик, дающий объективное описание всего процесса в целом.

Неспособность теории речевых актов дать адекватное описание речевого коммуникативного процесса привело к уточнению набора единиц речевого общения. Так, И. П. Сусов предлагает минимальной его единицей считать речевой ход, который «включает в себя все акты до смены говорящего. Инициальный и ответный речевые ходы объединяются в речевые

взаимодействия, которые образуют, в свою очередь, речевые трансакции» (7, 108).

Отмечаются следующие речевые единицы: речевой акт, речевой ход, речевое взаимодействие (или диалогическое единство), речевая трансакция (или речевое событие). Речевой ход может состоять из одного или нескольких речевых актов. Речевой акт является минимальный, относительно самостоятельным отрезком речевого общения. Он несет в себе определенную информацию, и поэтому может считаться единицей сообщения. В первом случае, речевой ход равен речевому акту, а значит, информационным его следом будет высказывание. Во втором же случае, когда речевой ход состоит из нескольких речевых актов, выделяются в нем предъядерный, ядерный и послееядерный компоненты, что позволяет соотнести его с текстом (7, 108).

Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой функциональные взаимосвязи могут быть зафиксированы путем анализа целей, к осуществлению которых стремятся коммуниканты в процессе речевого общения (1). Целенаправленность коммуникативно-языкового действия предполагает наличие определенной ситуации общения, которая в течение всего диалога стимулирует через соответствующие цели коммуникативную деятельность участников интеракции. Именно в зависимости от целей партнеры по коммуникации и принимают решение о способе её осуществления. Таким образом, цели управляют коммуникативно-языковой деятельностью, являясь центральным моментом организации речевого общения.

Категория «цель» относится как ко всей деятельности речевого общения в целом, так и к отдельным её действиям. Это в наибольшей степени проявляется в иерархии целей (1).

Различаются коллективные цели, определяющие целые коммуникативные единства, и цели индивидуальные, рассматриваемые как промежуточное средство комплексной цели. Но и коллективные, и индивидуальные цели подчинены фундаментальным целям и могут быть объяснены только с их помощью. С другой стороны, коллективные и индивидуальные цели, являясь в процессе речевого общения частичными, не всегда согласуются с фундаментальными целями. Более того, они могут даже противоречить им или друг другу. Коммуникативно-языковое взаимодействие участников общения осуществляется через соприкосновение частичных целей, которые проявляются в мене продуктивной и рецептивной коммуникативной деятельности. Точкой такого соприкосновения является то, что частичные цели хотя бы и в незначительной мере остаются идентичными инициальной цели участника

разговора, который его начинает.

Часто в речевом общении индивидуальная цель совпадает с фундаментальной целью.

Частичные цели в процессе диалога возникают из-за различных «оценок ситуации» общения со стороны партнеров по коммуникации, имеющие неидентичные точки зрения по поводу достижения общей цели.

Диалог сам по себе пронизан сплошными уточнениями его целей, по отношению которых даются оценки отдельным речевым действиям, их успех и неуспех. В ходе диалога партнеры выявляют причины того, почему их частичные цели не совпадают, ведущие к аргументации своих мыслей примерами или к попытке использовать метакоммуникативное направление диалога о цели и пути её достижения, что иногда становится основой смены тематики общения. В противном случае общение прекращается. Таким образом, вид и способ формирования и достижения частичных целей общения зависит от перманентного анализа ситуации, или, иначе, от контроля действия (1).

Итак, для того, чтобы зафиксировать процесс диалогического общения, характеризующийся «сложными отношениями между обязательностью шагов и соответствующим спектром действия» (1, 74), следует придерживаться следующей схемы: каждый уровень действий представляет собой совокупность их альтернатив, подлежащих заполнению соответствующими лингвистическими единицами: если действие рассматривается на уровне речи, то такими заполняющими элементами «функциональных скважин» (1, 74) будут речевые единицы, на языковом же уровне – языковые (прежде всего синтаксические).

Мы убеждены, что невозможно предварительно выяснить схемы действий коммуникантов, осуществляемых в процессе диалога, без выявления того спектра, который определяется моделью общения.

В зависимости от того, насколько коммуниканты придерживаются в процессе диалога фундаментальной цели, и от того, является ли это нормой для данного типа общения, можно различать относительно твёрдые, стандартные модели общения и относительно мягкие, приблизительные.

Те и другие модели, конечно же, не могут полностью отражать реальное общение, ибо «действительность всегда богаче, чем её модели». Но речь идет о таких моделях, которые способны отразить не само общение, а лишь его структуру, на основе которого возможно строение текста определенной речевой нормы, ибо именно фактор нормированности и позволяет создать

соответствующие общению модели. Говоря о нормированности общения, мы подразумеваем тот социальный опыт, который определяет структуру общения, закрепляется в текстах и функционирует в определенных социальных условиях.

Таким образом, фактор традиции и является той важнейшей категорией, которая определяет, как модель, структуру общения, так экспрессивные качества, выражающиеся лингвистическими и паралингвистическими средствами.

Коммуниканты в реальном речевом общении в зависимости от той ситуации, в которой происходит общение, могут придерживаться какой-то строгой модели интеракции, и могут не придерживаться ее. Для одной ситуации наличие готовой схемы общения, нормированность является важнейшим фактором организации общения, для другой же таким фактором является отсутствие готовой схемы. В одних случаях речь готовится заранее, в других же речь спонтанна. И от того, придерживаются ли коммуниканты уже готовой, знакомой им схемы общения или нет, и является ли это нормой для данной ситуации, зависит определение «жестких» и «мягких» типов общения.

«Жесткость» и «мягкость» типов общения наиболее ярко отражаются в стиле соответствующих текстов. Так, М.Л. Макаров выделяет «сильный» и «слабый» языки. Он пишет: «...Признаки «сильного» языка, его стилевые черты во многом совпадают с качествами предварительно подготовленного текста. Такой текст, в свою очередь, обладающий признаками, хотя бы некоторыми, письменной формы, сам по себе является индексом высокого уровня формальности, демонстрируя повышенное внимание говорящего к лингвистической выраженности и оформлению своего послания. Признаки этих текстов: синтаксическая сложность, большой объем соответствующих языковых единиц, значит, и более размеренный темп, меньшая скорость интеракции, опора на синтаксические структуры, усвоенные на поздних этапах овладения языком; сложные предложения, часто с несколькими придаточными, с большим «удельным весом» подчинительных отношений – все это подтверждается статистически» (6, 77).

Такой уровень формальности говорит о том, что общение, основанное на «жесткой» модели, имеет не только достаточно стереотипизированные лингвистические средства выражения, но и довольно стандартные речевые действия. Человек, вступающий в такое речевое общение, заранее работает над оформлением своей речи, так как общение, основанное на «жесткой» модели, требует от каждого участника коммуникации повышенного соблюдения этикета. При подготовке к общению человек мысленно представляет образ, с

которым намеревается вступить в речевое взаимодействие, присваивает сам и наделяет образ определенной социальной ролью, мысленно вступает с ним в коммуникативное отношение, т.е. разыгрывает варианты действий. И чем определеннее этот образ, его коммуникативные цели и задачи, тем конкретнее и планируемые действия.

Таким образом, чем «жестче» модель общения, тем уже спектр действий, и наоборот, чем «мягче», неопределеннее модель общения, тем шире этот спектр.

Мы считаем, что «твердые» модели общения в силу своего внутреннего строения могут быть формализованы и отобраны для компьютерного программированного обучения. Разграничение «жестких» и «мягких» моделей общения вызвано под давлением тех обстоятельств, которые связаны не только с техническими возможностями, но и с методикой обучения текстообразованию вообще. Дело в том, что обучение общению на основе текстового подхода предполагает значительную долю формализации коммуникативно-языковых явлений. Так как без стереотипизации процесса обучения, а тем самым без формализации материала, само такое обучение становится невозможным.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Андриющенко Т.Я., Батов В.И. и др. Общение. Текст. Высказывание. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 172 с.
2. Гвенцадзе М.А. Коммуникативная лингвистика и типология текста. – Тбилиси: Ганатлеба, 1986. – 316 с.
3. Золотова Г.А. Об основаниях классификаций предложения // Русский язык за рубежом. – 1989. – № 5. – С. 66–73.
4. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. – М.: Высш. шк. 2016. – 464 с.
5. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. — 176 с. — (Лингвистическое наследие XX века)
6. Макаров М.Л. Социально-дейктическое измерение стиля // Языковое общение: Процессы и единицы: Межвуз. сб. научн. тр. – Калинин: КГУ, 1988. – С. 77–100.
7. Недобух А.С. Вербальные сигналы мены коммуникативных ролей // Языковое общение: процессы и единицы: Межвуз. сб. научн. тр. – Калинин: КРУ, 1988. – С. 107–115.
8. Рыжков В.Л., Сорокин Ю.Л. Стереотипизация как метод воздействия на аудиторию // Язык как средство идеологического воздействия: Сборник обзоров. – М.: АПН РСФСР, 1983. – С. 96–121.

REFERENCES

1. Andryushchenko T.Ya., Batov V.I. et al. *Obshchenie. Tekst. Vyskazyvanie* (Communication. Text. Statement), Moscow: Izd-vo MGU, 1989, 172 p.
2. Gventsadze M.A. *Kommunikativnaya lingvistika i tipologiya teksta* (Communicative linguistics and text typology), Tbilisi: Ganatleba, 1986, 316 p.

3. Zolotova G.A. *Russkii yazyk za rubezhom*, 1989, № 5, pp. 66–73.
4. Kozhina M.N., Duskaeva L.R., Salimovskii V.A. *Stilistika russkogo yazyka* (Stylistics of the Russian language), Moscow: Vyssh. shk, 2016, 464 p.
5. Kolshanskii G.V. *Kommunikativnaya funktsiya i struktura yazyka*, Moscow: Izdatel'stvo LKI, 2007, 176 p.
6. Makarov M.L. *Yazykovoe obshchenie: Protsessy i edinitsy* (Proceedings of the Conference Language communication: Processes and units), Kalinin: KGU, 1988, pp. 77–100.
7. Nedobukh A.S. *Yazykovoe obshchenie: Protsessy i edinitsy* (Proceedings of the Conference Language communication: Processes and units), Kalinin: KRU, 1988, pp. 107–115.
8. Ryzhkov V.L., Sorokin Yu.L. *Yazyk kak sredstvo ideologicheskogo vozdeistviya: Sbornik obzorov* (Language as a means of ideological influence), Moscow: APN RSFSR, 1983, pp. 96–121.